

СОДЕРЖАНИЕ

Татуировка. <i>Перевод А. Долина</i>	3
Цилинь. <i>Перевод В. Мазурика</i>	16
Тоска о матери. <i>Перевод Т. Редько- Добровольской.</i>	39
Лианы Ёсино. <i>Перевод И. Львовой.</i>	69
Рассказ слепого. <i>Перевод И. Львовой</i>	150
История Сюнкин. <i>Перевод А. Долина</i>	273
Похвала тени. <i>Перевод М. Григорьева</i>	377

ТАТУИРОВКА

Это было во времена, когда люди почитали легкомыслие за добродетель, а жизнь еще не омрачали, как в наши дни, суровые невзгоды. То был век праздности, когда досужие острословы, услужливые шуты могли жить припеваючи, заботясь лишь о безоблачном настроении богатых и знатных молодых людей да о том, чтобы улыбка не сходила с уст придворных дам и гейш. В иллюстрированных романах и на театральных подмостках популярные герои Садакуро, Дзираяя, Наруками выступали в женоподобном обличье.

Повсюду красота сопутствовала силе, а уродство — слабости. Люди шли на все ради красоты, не останавливаясь и перед тем, чтобы покрыть свою нежную кожу несмываемым раствором. Причудливые пляшущие сочетания линии и красок испещряли тела.

Посетители веселых кварталов Эдо¹ выбирали для своего паланкина носильщиков с затейливой татуировкой. Женщины из Ёсивары и Та-

¹ Эдо (ныне Токио) — столица военных правителей Японии династии Токугава (1601–1867). — Здесь и далее прим. И. Львовой.

цуми¹ охотно дарили благосклонность татуированным. Среди любителей подобных украшений встречались не только игроки, пожарники и прочая шушера, но также зажиточные горожане, а иногда и самураи. Время от времени в Рёгоку устраивались смотры, где участники, демонстрируя свои обнаженные изукрашенные тела, гордо похлопывали по татуировкам, хвалились новыми приобретениями и обсуждали достоинства рисунков.

В те времена жил необычайно искусный молодой татуировщик по имени Сэйкити. Сравнить его можно было лишь с такими мастерами, как Тярибун из Асакусы или Яцухэй из Мацусимамати; кожа десятков людей словно шелк ложилась под его кисть, а затем и под его иглы. Немало работ из тех, что снискали всеобщее восхищение на смотрах татуировок, принадлежало ему. Дарума Кин славился изяществом ретуши, Каракуса Гонта — яркостью киновари, Сэйкити же был знаменит непревзойденной смелостью рисунка и красотой линий.

Прежде Сэйкити был художником Укиё-э школы Тоёкуни и Кунисады². Уже после того, как он променял высокое искусство живописи на ремесло татуировщика, прежние навыки давали о себе знать в изысканности манеры и особенном

¹ Ёсивара, Тацуми — районы «веселых кварталов» в Эдо.

² ...Укиё-э школы Тоёкуни и Кунисады — гравюры жанрового характера, реалистически изображавшие жизнь обитателей так называемых «веселых кварталов». Тоёкуни и Кунисада — художники, писавшие портреты актеров театра Кабуки (конец XVIII — нач. XIX вв.).

чувстве гармонии. Люди, чья кожа или телосложение не привлекали его, ни за какие деньги не могли добиться услуг Сэйкити. Те же, кого он принимал, должны были полностью вверить на усмотрение мастера рисунок и цену, чтобы затем на месяц, а иногда и на два отдаться мучительной боли от его игл.

В глубине души молодой татуировщик лелеял тайное наслаждение и тайную мечту. Наслаждение доставляли ему судороги несчастного, в которого он вонзал свои иглы, терзая распухшую, кроваво-красную плоть. Чем громче стонала жертва, тем острее становилось блаженство Сэйкити. Самые болезненные процедуры — нанесение ретуши и пропитка киноварью — доставляли ему наибольшее удовольствие.

После того как люди выдерживали пять или шесть сотен уколов за обычный дневной сеанс, а потом еще парились в ванне, чтобы лучше проявились краски, все они, обессиленные, полумертвые, падали к ногам Сэйкити.

Художник хладнокровно созерцал это жалкое зрелище. «Что же, я полагаю, вам и впрямь больно», — замечал он с довольной улыбкой.

Когда малодушный кричал под пыткой или сжимал зубы и строил страшные гримасы, словно в предсмертной агонии, Сэйкити говорил ему: «Послушайте, вы ведь эдокко¹. К тому же вы пока еще едва почувствовали уколы моих игл».

¹ Эдокко — коренной житель Эдо. Считалось, что эдокко свойственны живой ум, находчивость, остроумие, умение не унывать в трудных обстоятельствах.

И он продолжал работу все так же невозмутимо, посматривая искоса на залитое слезами лицо жертвы.

Порой человек самолюбивый, собрав все силы, мужественно терпел боль, не позволяя себе даже нахмуриться. В таких случаях Сэйкити только посмеивался, показывая белые зубы: «Ах ты упрямец! Не хочешь сдаваться?.. Ну ладно, посмотрим. Скоро твое тело будет корчиться от боли! Я знаю — такого тебе не вытерпеть».

Долгие годы Сэйкити жил одной мечтой — создать шедевр своего искусства на коже прекрасной женщины и вложить в него всю душу. Прежде всего для него был важен характер женщины — красивого лица и стройной фигуры здесь было мало. Он изучил всех знаменитых красавиц веселых кварталов Эдо, но ни одна не отвечала его взыскательным требованиям. Несколько лет прошло в бесплодных поисках, но запечатленный в сердце образ совершенной женщины продолжал волновать воображение Сэйкити. Надежда не покидала его.

Однажды летним вечером, на четвертый год поисков, Сэйкити проходил мимо ресторанчика Хирасэй в Фукагаве, неподалеку от своего дома. Неожиданно перед ним предстало дивное зрелище: белоснежная обнаженная женская ножка выглядывала из-под занавесок паланкина, ожидавшего у ворот. Острому взгляду Сэйкити человеческая нога могла поведать не меньше, чем лицо. То, что он увидел, было поистине совершенством. Изыщно очерченные пальчики, ногти,

подобные перламутровым раковинам на побережье Эносимы; округлость пятки, напоминающей жемчужину; блестящая кожа, словно омытая в водах горного потока, — да, то была нога, достойная окунуться в кровь мужчин, ступать по их поверженным телам. Он понял, что такая нога может принадлежать единственной женщине — той, которую он искал столько лет. Сдерживая биение сердца, в надежде увидеть лицо незнакомки Сэйкити последовал за паланкином. Однако, миновав несколько улочек и переулков, он вдруг потерял паланкин из виду.

Давняя мечта Сэйкити превратилась в жгучую страсть. Как-то раз, через год после этой встречи, поздней весной Сэйкити, выйдя поутру на бамбуковую веранду своего домика в Фукагаве, в квартале Сага, стоял, любуясь лилиями омото в горшочке и одновременно орудуя зубочисткой. Внезапно раздался скрип садовой калитки. Из-за угла внутренней ограды показалась девушка. По хаори, украшенному драконами и змеями, он заключил, что пришла посыльная от знакомой гейши.

— Сестрица просила передать вам это кимоно и спросить, не сообразовали ли вы нанести на него узор с обратной стороны, — сказала девушка.

Развязав сверток цвета шафрана, она достала женское шелковое кимоно (завернутое в лист плотной бумаги с портретом актера Тодзяку Иваи) и письмо.

В письме подтверждалась просьба. Далее знакомая сообщала, что подательница письма вско-

ре станет гейшей и как «младшая сестра» поступит под ее покровительство. Она надеется, что и Сэйкити, памятуя их прежнюю дружбу, не откажет девушке в протекции.

— Мне как будто не доводилось видеть тебя раньше. Ты не заходила сюда в последнее время? — спросил Сэйкити, внимательно изучая внешность гостьи.

На вид девушке было не более пятнадцати-шестнадцати лет, но лицо ее было отмечено необычайно зрелой красотой, словно она уже провела многие годы в веселых кварталах и погубила души десятков грешников. Она казалась волшебным порождением целых поколений прекрасных мужчин и обольстительных женщин, живших и умиравших в этой огромной столице, где сосредоточились все пороки и все богатства нации.

Сэнкити усадил девушку на веранде и принялся разглядывать ее изящные ножки — босые, если не считать легких соломенных сандалий бинго.

— Не случилось ли тебе уезжать в паланкине из Хирасэя в июле прошлого года? — осведомился он.

— Возможно, — ответила девушка, улыбнувшись странному вопросу. — Тогда еще был жив мой отец, и он часто брал меня с собой в Хирасэй.

— Вот уже пять лет я жду тебя. Да, да, лицо твое я вижу впервые, но мне запомнилась твоя нога... Послушай, я хочу тебе кое-что показать. Давай поднимемся на минутку ко мне.

И Сэйкити, взяв за руку девушку, уже привставшую, чтобы распрощаться, увлек ее в свою мастерскую на втором этаже, откуда открывался вид на полноводную реку. Там он достал два свитка с картинами и развернул один из них перед девушкой. На картине была изображена китайская принцесса, фаворитка древнего императора Чу из династии Шан. Как бы изнемогая под тяжестью золотого венца, обрамленного кораллами и ляпис-лазурью, она томно облокотилась на балюстраду. Подол богато изукрашенного платья раскинулся по ступеням. Правой рукой она подносит к губам большой кубок с вином, глядя на приготовления к казни в дворцовом саду. Руки и ноги жертвы прикованы цепями к полуму медному столбу, внутри которого будет разведен огонь. Выражение лица мужчины, покорившегося своей участи, стоящего перед принцессой со склоненной головой и закрытыми глазами, передано с потрясающим мастерством.

Стоило девушке посмотреть немного на странную картину, как глаза ее невольно заблестели, а губы задрожали. Лицо ее приобрело поразительное сходство с лицом принцессы. В картине она нашла свое скрытое «я».

— В этом полотне отразилась вся твоя душа, — с довольной улыбкой произнес Сэйкити, заглядывая в глаза девушки.

— Зачем вы показываете мне такие страшные вещи? — спросила она, подняв к Сэйкити побледневшее лицо.

— Женщина на картине — это ты. Ее кровь течет в твоих жилах.

С такими словами он развернул второй свиток. Картина называлась «Глен». В центре помещена женщина, прислонившаяся к стволу сакуры. Она созерцает бесчисленные трупы мужчин, расprostертые у ее ног. Рядом вьется стайка птиц, распеваяющих победные песни. Глаза женщины светятся гордостью и радостью. Что здесь изображено — поле битвы или цветущий весенний сад? Глядя на картину, девушка почувствовала, как ей открылось то сокровенное, что таится на самом дне ее души.

— Здесь, на картине, ты видишь свое будущее. Точно так же мужчины отныне будут жертвовать жизнью ради тебя, — сказал Сэйкити, показывая на портрет женщины, чьи черты как две капли воды походили на черты девушки.

— Я будто вижу себя в ином перерождении. О, прошу вас, уберите скорее эту картину! — взмолилась она.

Отвернувшись от свитка, как бы стремясь уйти от его притягательной силы, она простерлась на татами. Наконец она снова заговорила:

— Да, я признаюсь вам, вы правы, в душе я такая же, как эта женщина. Поэтому, умоляю вас, уберите картину, я больше не могу!

— Ну-ну, не бойся. Вглядиись получше в картину. Сейчас тебе страшно, но это скоро пройдет! — И на лице Сэйкити появилась его обычная злорадная улыбка.